

**Владимир
ПРОНСКИЙ**

г. Москва

МЯМЛЯ

рассказ

Уж как хотелось Саше Мямлину встретить Зою из роддома, столько было счастья припасено для такого случая, но всё сорвалось. Зоя отправилась в роддом здоровой, а там выяснилось, что она простуженная, такой и пришлось рожать. Еле-еле справилась, Бог миловал. Он помог, но с врачами не поспоришь: оставили на неделю в больнице. Пришлось Саше частенько томиться ожиданием под окнами больничного корпуса, куда перевели Зою из родильного отделения; из-за карантина в больнице он проникал на территорию через лаз в заборе и, позвонив, дожидался, выглядывая из кустов, когда она, пусть и не сразу, мелькнёт в окне. Охранники несколько раз выгоняли Мямлина за территорию, а потом пригрозили:

— Ещё раз появишься — в полицию сдадим!

И он стал караулить за больничной оградой, но Зою редко видел. Саша переживал от обидной неопределённости, хотел узнать, что случилось, почему вдруг она так изменилась, если даже по телефону толком не поговорит. Он спросит о доченьке, о самочувствии, а она ничего не расскажет, не поделится радостью, словно и не радость к ней пришла вместе с дочуркой, а страшное несчастье. Но как-то её прорвало:

— Чего говорить, чему радоваться-то... Мы с дочей в разных отделениях лежим... А ты обманщиком оказался! Вруном несусветным!

— Что случилось? — спросил он в надежде хоть на какое-то объяснение, но услышал обидную отговорку.

— А ты сам подумай, а потом спрашивай! — упрекнула она, заплакала и отключила телефон.

Он потоптался, повздыхал и отправился домой. Само собой вспомнилось, как два года назад он оказался в этом районном городе, как познакомился с Зоей, когда переехал из посёлка в выделенную ему как детдомовцу однокомнатную квартиру, отошедшую государству после кончины одинокой жительницы. Да и трудно было не познакомиться с Зоей, если она жила в соседнем переулке, а на работу они ездили в одном автобусе. Вернее сказать, она сама познакомилась из-за мести своему парню, которого провожала в армию какая-то мырма из колледжа. А Зоя лишь перед самыми проводами поругалась, и от этого становилось ещё обиднее. А тут новый кавалер появился: скромный, опрятный, но очень и очень стеснительный — поздороваешься, а в глаза заглянуть — это не для него. И всё,

как поняла Зоя позже, из-за своего шепелявого голоса. Даже из-под усов было видно, что губа у него какая-то необычная. В первое время Зоя не решалась спросить отчего так, да и не спросишь прямо, а потом познакомилась поближе, он сам сказал, когда она уж слишком внимательно начала приглядываться к его внешности, — но он-то знал, что приглядывается она не к его кучерявой шевелюре:

— Не обращай внимания... Это меня лошадь в раннем детстве копытом припечатала... — и смутился, даже покраснел. — Поэтому и усы ношу.

— Они тебе идут...

Саша думал, что Зоя бросит его, но нет, даже внимательно стала. После работы и по выходным частенько приходила к нему и сразу принималась наводить порядок. Он её даже останавливал:

— Да ладно... Семья у вас многодетная, и без того постоянно приходится помогать матери.

— Ну и что... Там одна забота, а у тебя — другая.

Саша видел, что ей очень нравится быть хозяйкой, она могла, когда уж совсем делать нечего, бесконечно переставлять горшок с геранью из кухни в комнату и обратно. И каждый раз видела в этом что-то новое. А ему всё равно, где будет стоять цветок — всё, что осталось от прежней жилочки. Ему нужна была сама Зоя. Особенно, когда согласилась заночевать.

— А тебя не будут дома ругать? — спросил он, стесняясь спросить ещё о чём-то или что-то сказать.

— Некому. Отец на Северах на заработках, мать с четырьмя моими братьями и сёстрами колуается. Она только будет рада, если свалю из дома... Да и совершеннолетняя я, своя голова на плечах есть.

Наверное, поэтому она и домой к себе не очень-то приглашала, сразу почувствовала себя у Саши хозяйкой. Только раз как-то зашли вместе, чтобы забрать Зоины вещи, да и то когда никого не было. А вскоре он и сам ей накопил нарядов, потому что третий год работал сварщиком в автосервисе и деньжата водились. И вообще, он всё отдал бы своей чернявой и бойкой Зойке, к которой сразу привык, и готов был за неё биться, если пришлось бы. Это в детдоме его звали Мямлей, но там другие отношения, всё другое. Там чуть чего не так — мигом заташат за угол и нада-

ют по шеям. Да и в самом посёлке могли накостылять, но побаивались детдомовских. А в городе каждый за себя: сидят пацаны у компов и бои без правил смотрят, силу воли тренируют на удалёнке. А коснись — себя-то защитить не смогут, а не то чтобы за кого-то постоять.

О себе Саша не думал, у него теперь было кого защищать. Ранее он не представлял, что это значит любить девушку, ночевать с ней. Это такое, оказывается, счастье! В детдоме почти у всех старших ребят были девчонки, все об этом знали, но делади вид, что ничего особенного не происходит. Только у Саши не имелось и ещё у одного пацана по прозвищу Ботаник — тот всё свободное время проводил в библиотеке, где были компьютеры, и не бои он смотрел, а изучал историю времён и народов и готов был бесконечно рассказывать о минувших веках. Поэтому неудивительно, что он с медалью окончил школу и поступил в университет на бюджетное обучение.

У Мямлина таких способностей к учёбе не имелось, зато лет с тринадцати стал первым помощником завхоза. То столяркой с ним занимался, то, как заправский водопроводчик, резьбу на трубах крутил, а то смело брался за газовый резак. Когда пришло время выбрать профессию, то захотел выучиться на газосварщика, а не на водителя, как большинство ребят из его группы. Поэтому при расставании с детдомом у него на руках было заветное удостоверение. Саше помогли устроиться на работу по специальности и посоветовали пока не соглашаться на предлагающееся жильё — обычную комнату в какой-нибудь неухоженной коммуналке.

— Потерпи немного — поживи на съёмной, — предупредил как друга-приятеля директор, которого за хромоту называли «стук-нога», хотя никогда вроде бы не выделял Мямлина среди воспитанников, — а при первой возможности тебе отдельную квартиру предоставят. Такая договорённость имеется... — и многозначительно потрепал Сашу по мягким лямкам кудрям; уважали его — отзывчивого и необыкновенно совестливого.

И вот Сашина отзывчивость и совестливость удачно соединилась с Зойкиной настырностью, умением добиться своего; она это могла как никто, научившись общаться с покупателями в продуктовом магазине.

Саша в этом убедился ещё раз, когда после родов она уж очень резко изменила отношение к нему. Ведь что-то должно было произойти, ведь ничего не бывает на пустом месте. Он ходил в эти дни сам не свой и ничего не понимал. Вот уж две недели минуло, как Зою выписали из больницы, и она ничего не сказала о своей выписке Саше, словно и не существовало его. Спасибо, её мать позвонила и укорила: «Что же ты, Александр, даже ребёнка не зайдёшь посмотреть?!» — «А меня кто звал?!» — только и сказал он, проглотив обиду. И это было действительно так. Зоя лишила его, быть может, самого трогательного мгновения в жизни каждого отца — встречи ребёнка из роддома, а он не знал, что делать: ну не будешь же жаловаться её матери, чтобы она переубедила дочь. Он сам звонил Зое, просил о встрече, но она превратилась в каменную стену. Когда же, не узнав себя, повысил голос, она холодно спросила:

— В зеркале давно видел себя? — У Саши всё оборвалось в душе. — Что молчишь? — Зоя продолжала казнить, и, похоже, это ей доставляло радость. — Ты скрывает, что у тебя врождённый дефект. Это заболевание наследственное, и оно передано ребёнку. Вот каково ей теперь будет жить с этим? Ладно бы мальчик, а то девочка, понимаешь — де-воч-ка!

Саша молчал и чувствовал, как колотится сердце, как сразу вся жизнь обломилась и разрушилась. Ведь он не желал никого обманывать, тем более Зою, он не знал ничего определённого о дефекте, лишь с детства жило в памяти объяснение какой-то тётки в белом халате, когда спросил у неё о своём шраме на губе.

— Это тебя лошадка ударила... — услышал он в ответ. — Ребятишки баловались — у лошади из хвоста волосы на свильцы дёргали, а ты ни за что пострадал...

И более никто и никогда не говорил об этом, а сам он не очень-то вникал: какой есть — такой и есть. Стеснялся, конечно, а более всего перед Зоей первое время, и переживал, рассказывая, почему его не призвали в армию.

— Ну и хорошо, что не забрали! — радовалась она. — А то мы и не встретились бы!

И всё было хорошо, но вот теперь, оказывается, всё перевернулось.

— И кто тебе это сказал? — спросил он у Зои,

имея в виду её слова о дочери и не веря им.

— Врачи, кто же ещё! Спросили, есть ли кто-нибудь в родне с таким заболеванием — ну, я и вспомнила о тебе, как ты ловко притворился, рассказывая о «лошадке».

— Да не притворялся я. Действительно верил в это, — тихо сказал Саша, будто приговор себе подписал. — И что теперь? — спросил он, ни на что более не надеясь.

— Что-что... Развод и девичья фамилия...

— Могу я свою дочку увидеть?

— Нет... А если придёшь и будешь ломиться в дверь, полицию вызову! Ты меня знаешь! — и отключила телефон.

Мямлин захотел сразу пойти к Зое, чтобы, во-первых, посмотреть на дочь, а во-вторых, сказать... Что он скажет, как посмотрит — он не знал, но что-нибудь придумалось бы, уж не совсем он Мямля-то. И он уж было собрался, но у двери остановился и почувствовал, что нечем дышать, и упал на диван без чувств, без мыслей — как полено.

Несколько дней находился в тумане и не знал, сколько ещё будет сам себе рвать душу, думая более не о Зое, а о дочке, которую даже не знал как зовут... Зоя зачем-то скрывала её имя и непонятно чего добивалась. Это надо такое придумать, чтобы новорожденную не показать отцу?! «Что ж, насильно мил не будешь!» — не зря ведь говорят, вспомнил он поговорку. Хотел этим утверждением поддержать себя, успокоить, заставить забыть, но разве легко это сделать.

И всё-таки он, как мог, настраивал себя на другую жизнь, не зная теперь, какой она будет. Гнал все воспоминания о Зое, вот только дочурка не давала покоя. В выходные дни он несколько раз издали наблюдал за Зоей, гулявшей с коляской на бульваре, и не узнавал её из-за худобы — так она изменилась после родов и болезни. Всякий раз хотел подойти, хотя бы мельком взглянуть на дочку, но так и не смог победить себя, переступить невидимую черту обиды и непонимания. И тогда он перестал ходить на бульвар, затворил душу и ничего, кроме работы, не знал, понимая, что никто его не ждёт и никому он не нужен.

Если Мямлин не маячил бы на бульваре, то, быть может, Зоя быстрее бы забыла его, но он появлялся, хотя чего добивался — неизвестно. Она не знала его планов, мыслей, но всё равно

его потаённое стремление увидеть их с дочуркой радовало, и теперь уж незаметно для себя она забыла, как ругалась на Сашу, укоряла. Хотя можно ли его укорять, если вины ни в чём не было? Особенно она повеселела, когда услышала от детского врача, что через полгода можно будет делать косметическую операцию дочке и шрам на губе с возрастом почти не будет заметен. Это-то и радовало, помогло по-иному посмотреть вокруг себя и вспомнить о Саше. Молодец же, что не остался равнодушным, мелькает перед глазами. Значит, по-настоящему любит! Это-то и подтолкнуло Зою посмотреть на себя по-другому, оглядеться и понять, что не всё в жизни так плохо. Всё поправимо и преодолимо. Она даже хотела как-нибудь поговорить с ним, но он вдруг пропал и более не мелькал, прячась за деревьями и ларьками.

Саша не знал, о чём всё это время думала она, вспоминала ли. Неужели в её душе ничто ни разу не шелохнулось?! Вот уж второй месяц пошёл, как она выписалась из больницы, а ни слуху ни духу. Была — и нет её. И на бульваре перестала появляться. Насовсем, что ли, испарилась?! Он вполне бы в это поверил, если однажды, возвращаясь с работы, не увидел её около своего подъезда, а рядом с ней замерла высокая коляска с кисейной бахромой. Он остановился в нескольких метрах, не решаясь подойти ближе, словно боялся спугнуть неправдоподобный, но необыкновенно приятный сон. Но этот сон сразу улетучился, когда Зоя улыбнулась глазами-угольками и вздохнула:

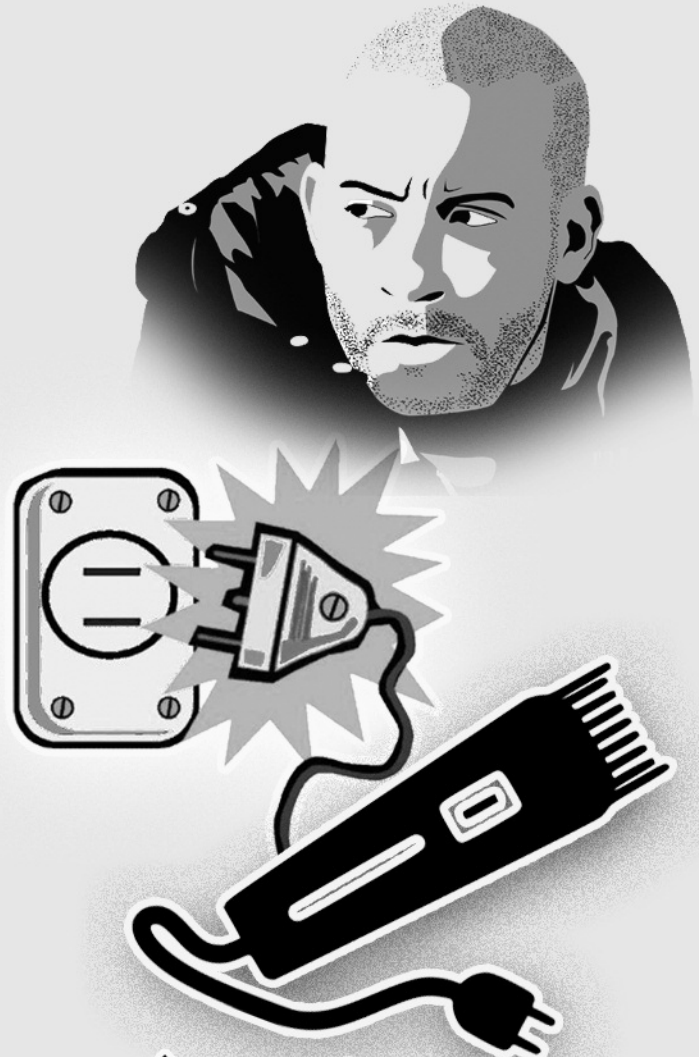
— А вот и мы...

Сердце у Саши в этот момент полыхнуло жарче жаркого. Он чуть не задохнулся от нехватки воздуха, зачем-то брякнул первое, что пришло на ум:

— За вещами пришла?..

— Ага... Угадал — за ними. Пошли. А пока коляску держи — Юлька очень соскучилась по тебе. Весь день покоя не даёт, спрашивает: «Где папка, где наш папка?»

Саша смотрел на Зою и чувствовал, что не может удержать слёз от её шутки. Хотел что-то сказать, объяснить, но ничего не получилось. Она подошла, обняла и, прижавшись, посмотрела в тревожные и глубокие тёмно-синие блестящие влагой глаза.

ТЕХНИЧЕСКАЯ ОШИБКА

рассказ

С возрастом люди становятся рачительными, попусту денег не тратят, особенно пенсионеры. Поэтому они чаще других задумываются о дне грядущем и пытаются кое-что сберечь на чёрный день.

Отставной прапорщик Николай Скрипчук ничем не отличался от других, замечая, что много денег тратит там, где их вполне можно сэкономить. Он старался вести здоровый образ жизни: редко выпивал, не курил, не передал, поэтому был поджар, горбонос и кадыкаст от худобы. Прежде Скрипчук подрабатывал фотографом, но в последние годы, когда в каждой семье появились цифровые аппараты и гаджеты, работы почти не стало, — поэтому жил экономно, даже прижимисто.

Приработка пока не находилось, и, продолжая изыскивать варианты, Николай однажды подумал о том, что неплохо бы купить машинку для стрижки. А что: сам себя остриг — заметная поддержка бюджету! Понятно, что качественно не острижешь, но наголо-то — запросто. К тому же быть «лысым» давно не позорно. Многие мужчины так ходят: и молодые, и в возрасте. Поэтому, взвесив все «за» и «против», побывав в нескольких магазинах и приценившись, купил машинку. Выбрал подешевле, хотя и не профессиональную, но, как уверял продавец, известной заграничной фирмы, потому что цена профессиональных — половина пенсии. Принёс Скрипчук машинку домой, попробовал на висках — берёт, и очень даже гладенько. Сразу позвонил сыну, похвастался машинкой и спросил, когда тот приедет, чтобы постричь отца.

Прежде, когда сын стриг ножницами, всегда отнекивался, но сегодняшнее упрямство показалось странным, и Скрипчук подумал, что это бывшая жена вмешивается: наговорит о нём сыну какой-нибудь гадости, а у того сразу «проблемы».

— Пап, не заморачивайся! Ведь тебе можно льготно постричься.

— Отцу отказываешь?! — огорчился Николай, но не всерьёз, а чтобы поворчать.

— Не отказываю. Просто времени нет.

— А мне не к спеху. Когда приедешь, тогда и приедешь. Что же, я зря машинку покупал?! А льготно стрижься — это и стыдно, и всё равно не бесплатно. Да и не люблю я парикмахерские. Так что жду тебя!

Сын обещал как-нибудь приехать и постричь, хотя его «как-нибудь» могло растянуться на недели, а Скрипчук и без того оброс сверх

меры. Но делать нечего — пришлось пока ждать. Хотя если действительно срезать наголо, то он теперь и сам мог себя остричь, — но наголо всё-таки не очень-то хотелось.

Несколько дней Николай поглядывал на машинку, ожидая сына. И не только. Хотелось к возвращению из санатория своей белокурой Оксаны, у которой он жил, выглядеть аккуратно и молодцевато. Лет уж пять вместе. Даже одно время хотели расписаться, но Оксана часенько вела себя замысловато, посмеивалась над ним, особенно когда тот выходил из-под ножниц сына с оригинальной причёской, называемой ею «а ля-лесенка». Может быть, из-за этой «лесенки» она не очень-то хотела, как понимал Николай, навсегда приютить его, поэтому обходились гражданским браком.

Сын всё не ехал, а до возвращения любимой оставалось два дня. И тогда он решил: «Если сегодня сына не будет — сам остригусь, пусть и под «ноль»! Пусть ему потом стыдно будет! А Оксана меня всякого видела!» Ждал до того часа, когда по всем прикидкам сын должен был приехать после работы, а дождался телефонного звонка! Сын сразу «обрадовал»:

— Пап, извини, но меня срочно послали на три дня в Самару! Так что звоню из поезда! Как-нибудь сам разберись или меня дождись из командировки!

— Ладно, разберусь! — миролюбиво отозвался Николай, не стал портить сыну настроение, хотя сперва хотел высказать ему всё, что думал о нём в этот момент.

Откладывать стрижку было нельзя, и Скрипчук тотчас решил: на лысого так на лысого! Он приготовил машинку, насадки и в ванной комнате начал вертеться перед зеркалом. Оказалось, что шнур коротковат. Но ничего, приноровился. Когда же включил машинку, то смело подцепил волосы, оставляя остриженную дорожку. Потом другую. Чернявые, седеющие волосы так и валялись кольцами. За несколько минут полголовы облысело. Тогда взял зеркало, встал спиной к большому зеркалу, чтобы остричь затылок, и вдруг машинка замолкла, хотя он не выключал её. Вот те раз! Не понимая, что произошло, Николай выдернул штепсель из розетки, вставил назад, пощёлкал включателем — тщетно. Машинка

молчала. Продолжая её разглядывать, словно от взгляда она волшебным образом могла вновь заработать, Скрипчук вспомнил о своей голове. Он посмотрел на себя в зеркале и ужаснулся! Узнав время, понял, что все парикмахерские закрыты! «Что же делать?» — задался он вопросом и не придумал ничего лучшего, как остричь остатки волос ножницами. Обмывшись под душем, лёг спать в расстроенных чувствах и долго не мог заснуть, понимая, что утра ничего изменить не сможет.

Утром отправился в парикмахерскую в половине двенадцатого, чтобы не мелькать перед льготниками своей «причёской». Решил переплатить, но зато подстричься, не томясь ожиданием. Хотя стоял июль, но — делать нечего — Скрипчук надел берет, натянув его до ушей. Выйдя на лестничную площадку, прислушался, чтобы не очутиться в лифте с кем-нибудь из знакомых, успешно доехал до первого этажа. Только вышел из подъезда — знакомый голос:

— Коля, помоги!

Глаза поднял, а это улыбающаяся загорелая Оксана из машины выбирается, а рядом с ней — незнакомая женщина и скучающий мужик, доставший из багажника Оксанину дорожную сумку. Вот так новость! А она распрошталась с попутчиками и, пока шла с Николаем к лифту, пояснила:

— Познакомилась в санатории с интересной женщиной. Она и уговорила на день раньше уехать. Да и как было не соблазниться, если за ней приехал муж, а добираться своим ходом надо с несколькими пересадками.

Пока она болтала по всегдашней своей привычке, Николай, конечно, подумал, что Оксана специально примчалась, чтобы проверить его «облико морале», как частенько говорила она. Поэтому за болтовнёй не сразу обратила внимание на его вид. Только в квартире насмешливо удивилась:

— Что у тебя с головой?! Опять хотел сэкономить?!

— Пустяки... — отмахнулся Николай. — Ты пока располагайся, а я до парикмахерской добегу.

Не дожидаясь новых расспросов, Скрипчук развернулся и был таков.

В парикмахерской, как только он присел в тамбуре, ожидая, когда пригласят, возникло недоразумение. Молодая парикмахерша, увидев на голове клиента берет, сразу запугала:

— С кожными заболеваниями не обслуживаем!

— С чего вы взяли, что у меня заболевание?!

— Мужчина, не морочьте голову!

— А я и не собираюсь морочить. А прежде чем укорять и незаслуженно навешивать ярлыки, сперва разобрались бы!

— А чего разбираться, когда и так видно, что у вас стригущий лишай! Вам в больницу надо, а вы сразу разносите!

— Могу я видеть руководство этого заведения?!

Не сразу, но парикмахер позвала заведующую и что-то шепнула ей.

— Здравствуйте, что случилось? — спросила непомерно полная женщина.

— Случилось то, что вашей сотруднице надо бы научиться вести себя с клиентами должным образом и не навешивать ярлыков!

— Что у вас с головой?

— С моей головой порядок, а вот с вашей...

— Мужчина, ну хватит! Что вы с утра начинаете всем нервы мотать!

И тут Скрипчук не выдержал, сорвал с головы берет и наклонил голову:

— Смотрите, где лишай?!

— А что у вас?

— Несчастный случай, разве не видно...

Рассказал Николай свою историю, заведующая заулыбалась, а ему не до улыбок. Сел он в кресло к давешней девице, а настроения никакого. Да и она подлила масла в огонь:

— Наверное, машинку-то купили самую дешёвую, китайскую какую-нибудь?

— Почему же! Профессиональную, немецкую, за сто евро! — хочешь не хочешь, приврал Скрипчук.

Мастер, забыв о предыдущем разговоре, сразу спросила жалеючи:

— Как вас стричь?

— Под самый короткий ноль! Или вы сможете как-то по-иному?!

Та промолчала. И более никто из них не говорил. Лишь, когда она остригла, он спросил:

— Сколько с меня?

— Сто пятьдесят.

Он заплатил — сказали бы четыреста, отдал бы четыреста — и выскочил на улицу, негодуя оттого, что практически ни за что выкинул полторы сотни. Но волна свирепого гнева быстро превратилась в мелкую житейскую рябь, когда Николай вспомнил об Оксане, и зашагал домой успокоившийся, без берета. Когда вошёл в квартиру, то первым делом выбросил машинку в мусоропровод. Как была в коробке, с насадками, с коротким шнуром — всё полностью! И ничего не стал объяснять Оксане, прихорашивавшейся после душа. И если бы она не спросила с укором, то и вовсе забыл о злосчастной покупке:

— Что у нас с розеткой? Включила фен, а он не работает. Пришлось в кухне голову сушить?!

Скрипчук на секунду замер от такого признания и, обо всём догадавшись, схватил фен, вставил штепсель в одну розетку, другую и по-настоящему рассмеялся, потому что в ванной прибор не работал, а в кухне жужжал за милую душу.

— Ты чего? — не поняла его смеха Оксана.

— Да так... Техническая ошибка... — отговорился он, догадавшись, что повредил розетку, дёргая короткий шнур, и отправился искать дворника.

Просто так обращаться к нему из-за пятисотрублёвой машинки стыдно, поэтому приготовил сотню, понимая, что задаром тот не будет копаться в мусоре. Да и не хотелось перед каждым встречным казаться последним жмотом, объясняясь, что он, Николай Скрипчук, — неработающий пенсионер, что ищет работу и когда-нибудь найдёт, а пока приходится экономить каждую копейку, чтобы хотя бы изредка дарить цветы своей насмешливой Оксане.

ВТОРОЙ РЕБЕНОК

рассказ

Когда Глеб Воронин допек жену вторым ребёнком, она в сердцах сказала:

- Тысячу евро подари — тогда рожу.
- Государство и без того заплатит пол-лимона...

– Государство – государством, но и тебе надо потрудиться.

– Серьёзно говоришь? – удивился Глеб, а Настя подтвердила:

– Конечно. В наше время дети дорого обходятся.

– Ну что же, пусть будет по-твоему, – согласился Глеб и подумал: «Ну, подожди, Глюкоза, я тебе устрою!»

Что устроит своей Глюкозе – это слово у Воронина было самым ругательным – он не знал. Но когда по совету жены стал подрабатывать дворником в соседнем ЖЭКе, не сразу преодолев засилье гастарбайтеров, решил, что...

Вообще-то, Глеб работал монтером охранных систем: заработок не ахти, поэтому сам давно хотел подрабатывать. Только одно дело, когда сам, а другое – когда принуждают.

Но отступать было поздно. Глеб принёс с работы куртку, с антресоли достал армейские берцы и с утра пораньше стал ходить на участок. Часа два помашет лопатой и идёт на основную работу. Машет он так лопатой, свою Глюкозу честит – глядишь, и время незаметно проходит, и участок прибран. А тут добровольная помощница объявилась – одна из тех, что по утрам бегают в парке. Все мимо бегут, а эта худая, но грудастенькая спортсменка приноровилась делать зарядку на Глебовом участке. И скрежет лопаты ей не мешает.

– Чем руками попусту махать, вот лопатой бы помахала, – сердито крикнул ей однажды Воронин.

Думал, застесняется, уйдёт, а она подошла, бедро скособочила и говорит:

– Давайте помогу. Мне полезно и вам помочь.

Не успел Глеб что-либо сообразить, как она выхватила лопату – и ну снег поддевать. Глебу аж неудобно сделалось.

– Я пошутил, остановитесь, – нерешительно заявил он.

– Меня, между прочим, Кларой зовут, – поставила дамочка в известность, не переставая махать лопатой. – А вас, молодой человек?

– Глеб я. Воронин. Отдайте лопату. Мне работать надо – я ребёнка жду!

– А вы, Глеб, шутник. Но тем не менее, когда будете рожать, звоните. Я – акушерка, глядишь, и помогу чем-нибудь.

– Очень приятно. Непременно позвоню.

– Ну, мне пора, – вскоре сообщила Клара, тяжело дыша.

Она отдала лопату и, смешно взбрыкнув, засемила к домам.

– А куда же звонить-то, если приспичит? – крикнул вдогонку Воронин.

– Через четыре дня сообщу, – обнадёжила Клара, будто сразу трудно назвать номер.

Через четыре дня, отправляясь на участок, Глеб вместо телогрейки надел модную куртку, а берцы поменял на зимние остроносые туфли.

– На свидание, что ли, собрался? – пришурившись, спросила работавшая бухгалтером расплывшая в последнее время жена, отчего казалась совсем уж круглолицей.

– Сегодня какая-то комиссия будет, – отмахнулся Глеб. – В ЖЭКе просили одеться почище.

Поверила Настя или нет, Глеба особенно не волновало, потому что в нём ещё жила обида. И только то, что он отдал вчера жене первый дворницкий заработок, сделало Воронина более уверенным в себе.

Ещё издали Глеб увидел, что Клара на участке. И ему в этот момент сделалось стыдно за то, что он, молодой мужчина, ходит убирать улицу, за то, что вырядился сегодня. Но особенно было стыдно от того, что, когда Клара диктовала номер своего телефона, он, окончательно смутившись, сохранил его как «Клар Пахомов».

– У тебя ещё лопата есть? – спросила Клара Пахомова.

– Есть, только не помогай! – запросто отпугнул он.

– Неси лопату! – настояла она.

Они молча вычистили пол-участка, и тогда Клара собралась домой.

– Ну, я побежала, – доложила она, – нужно сына в школу проводить. Он у меня первоклашка. А ты женатый?

– Не-а, – сказал Воронин и вспомнил о дочери, которую они с Настей отдавали на пятидневку.

– Пока! – поспешно вонзила она лопату в снег. – До встречи через четыре дня.

В тот же день, вернувшись с основной работы, Глеб едва не поругался с женой, когда увидел, что она купила огромную кастрюлю.

– Теперь осталось лошадь привести, – ехидно заметил Воронин.

– Я тебя что-то не пойму, – сердито ответила Настя. – Сам пристаёшь со вторым ребёнком, а для большой семьи и варить много надо. В этой кастрюле можно сварить первое на несколько дней.

– На несколько дней неинтересно, – тоном жены сказал Глеб. – На месяц – вот достижение было бы. На балкон котёл вынес, заморозил, а потом – только есть захочешь – кусок шей вырубил, разогрел и харчись до пуза.

– Не фантазируй, – фыркнула Настя.

Через некоторое время она успокоила:

– Это не кастрюля, а бак для белья. Пелёнки кипятить. Зря ты нервничаешь.

– Какие пелёнки, если все памперсы используют!

– На них сперва заработать надо!

Глеб, когда понял, что это розыгрыш, поостыл, но ему всё-таки подумалось, что Насте так шутить не следовало бы, а то он опять обозвал её Глюкозой.

Через четыре дня Глеб вышел пораньше, чтобы убрать участок до прихода Клары и поговорить с ней спокойно, хотя о чём говорить – не знал. Он просто помнил, что в нём ещё живёт обида на условие, поставленное женой, и его душа искала другую душу, с которой можно было поделиться наболевшим.

Но Клару Воронин не увидел и позвонил ей днём – никто не ответил. Глеб позвонил позже – опять неудача.

Когда Клару не увидел и в следующий раз, то подумал, что с ней что-то случилось. Он опять звонил, никто не ответил, и решил вечером найти её. Но, когда наступил вечер, Глеб на поиски не пошёл, ведь он совсем не знал эту Клару. И почему он должен искать? Зачем? Да и где?

Отдав жене вторую дворницкую получку, Глеб думал услышать что-нибудь ободряющее, но вместо этого Настя сказала:

– Ты долго ещё будешь будить по утрам?

– Долго, пока сын не родится.

– А я сегодня у врача была. Уже семь недель.

– Да-а?! – удивлённо прикусив губу, выдохнул Воронин. – Чего же раньше-то не сказала?!

В этот день Глеб привёз с пятидневки дочь. Пока ехал с Люсей в автобусе, неожиданно понял, почему очень хочет второго ребёнка. Ведь Люся скоро в школу пойдёт, она стала совсем взрослой, даже и картавить перестала. А ему хотелось крошечного человечка – такого, каким когда-то была Люся. Он спросил у дочери:

– Люся, мы с мамой скоро купим братика. Ты хочешь братика?

– Хочу! Тогда будем жить в большой квартире.

«На большую квартиру надо сперва заработать!» – невесело подумал Глеб, но ответу дочери не удивился, потому что давно привык к её взрослым рассуждениям, которые пришли к ней, когда она едва научилась говорить, и шло это, судя по всему, от матери. Озадачивало другое: неужели и второй ребёнок будет таким же, когда подрастёт?!

Клару Пахомову Глеб увидел месяца через полтора. К этому времени день прибавился, и он стал выходить из дому засветло.

Клара бежала вместе с мальчиком и, приблизившись, сказала:

– Вот, познакомься – сын Вовка. Ты мне звонил? – спросила она после паузы и внимательно посмотрела Глебу в глаза.

– Звонил, но...

Худой и кривоногенький Вовка – весь в мать – выглядывал из-за её спины, и чувствовалось, что ему совсем не интересна утренняя прогулка

Когда Клара сказала сыну, чтобы побегал – «а то в сосульку превратишься!» – он нехотя стал топтаться на месте и ковырять ногой снег.

Глеб равнодушно воспринял сообщение Клары и её саму, потому что к этому времени успел подзабыть. Он снял куртку и слишком уж решительно схватил лопату. Клара молча наблюдала, и её взгляд — насмешливый и любопытный — смущал и злил. И хотя он догадывался, что она живёт без мужа, якобы наивно спросил:

— Могла бы и мужа прихватить, втроём здесь работы на пятнадцать минут.

Он заметил, что напоминание о муже задело, но она старалась не подать виду и, будто так говорила каждый день, сказала:

— А он по утрам завтрак готовит.

— Если он у тебя такой сознательный, на, держи лопату. Работай за двоих, укрепляй здоровье.

Воронин отдал лопату Кларе, а сам отправился в подсобку за второй. Когда вернулся, Клара стояла, скрестив руки на черенке.

— С чего это вы, Глеб, решили, что я пришла убирать снег? — спросила она весело. — Для зарядки я могу просто в снежки поиграть, тем более что сегодня оттепель.

Она отбросила лопату и, позвав сына, стала катать снеговика.

— Вовик, а в школу не опоздаешь? — спросил Глеб насмешливо.

— Вчера каникулы начались, — ответил мальчишка, — а у вас старое ведро есть, чтобы на снеговика надеть?

— Извини, чего нет — того нет.

В это утро Глеб недочистил участок. Он швырнул в подсобку лопаты, зашёл домой переодеться и, не завтракая, отправился на основную работу. И через четыре дня он не хотел идти на участок и не пошёл бы, если б не выпал снег. Правда, его опасения оказались напрасными: Клару он не видел. И только недели через две, когда снег уже почти растаял, он заметил её в глубине парка: она стала бегать другой дорогой.

Однажды, намазывая веснушчатое, как у девочки, лицо каким-то пахучим кремом, Настя сказала:

— Твоё отношение ко мне ничуть не изменилось. По-моему, тебе ребёнок не нужен!

— С чего это ты решила?

— Ты перестал помогать.

Глеб уклонился от разговора, хотя ему и хотелось наговорить дерзостей. Он бы и наговорил, если не вспомнил, что несколько лет назад, когда они вот так же ждали второго ребёнка, она стала доводить подобными вопросами. Но тогда Настя готовилась к поступлению в колледж и решила, что второй ребёнок не нужен. Пока они спорили, сроки были упущены, и Глеб начал придумывать имя будущему сынишке — что родится именно сын, он и минуты не сомневался. Но оказалось, что делал это преждевременно.

Когда Настя ходила на пятом месяце, случилось то, о чём Воронин до сего времени не мог вспоминать без содрогания. В тот день, вернувшись с работы, он застал жену выпившей.

— Что это значит? — спросил он, нацелившись влить ей пощечину.

— Так нужно, Глеба, — ласково ответила Настя.

— Ты же сына ждёшь!

— Его не будет. Час назад у меня была знакомая медсестра и сделала укол.

— Что-то я никогда ни о какой медичке не слышал, а тут сразу нарисовалась!

— Ну, мало ли ты кого из моих подруг не знаешь?! О всех, что ли, надо докладывать?!

Потом он бушевал и хотел сообщить в милицию, а Настя умоляла не делать этого, потому что медсестру привлекут к ответственности, быть может, посадят в тюрьму, а они с ней в одном классе учились. Глядя на заплаканное Настино лицо, он сдался, спросил:

— Что я должен делать?

— Пока ничего.

В тот вечер он лёг спать, совсем не желая сна, — ждал, когда начнутся роды. Он слышал, что Настя долго не ложилась и среди ночи затеяла стирку.

— Зачем мучаешь себя? — спросил он, жалея.

— Так нужно, Глеба, мне сейчас нужно больше двигаться, чтобы всё прошло удачно, — ответила она доверительно и ласково — так, как всегда отвечала, когда была в хорошем настроении.

Он всё-таки уснул, но она вскоре разбудила.

Роды уже начались, и в комнате непривычно пахло кровью. Всё происходившее тогда в дальнейшем напоминало сон. Сон страшный. Самое ужасное для него было то, что это было их тайной. Случись что, он не мог обращаться за помощью, хотя и понимал, что это условный запрет чести: случись что-то неладное на самом деле, он поднял бы всю скорую помощь города. Но как ему, не врачу, просто неопытному человеку, знать, что опасно, а что нет?

Когда Настя, зажав рот платком, начала стонать, он хотел уж звонить, но она остановила, прерывисто сказав:

– В случае чего, у меня есть телефон медсестры. Но это на крайний случай.

Глеб удивился спокойствию жены, хотя и понимал, что оно шло от решительности.

– Ты хоть покричи, – посоветовал он.

– Люся проснётся, и соседи могут услышать, – ответила она и ещё сильнее сжала ему руку. И по тому, с какой силой давила, Глеб понял, что и она перепугалась.

Примерно через полчаса она всё-таки родила что-то бесформенное, и, разрезав рубашку, Глеб увидел мёртвого скрюченного мальчика. Он как знал, что должен быть именно мальчик!

– Сходи, закопай где-нибудь, – подсказала Настя, а он был готов в этот момент убить её.

Завернул тельце в газету, положил в сумку и, прихватив детскую лопатку, отправился на пустырь. Копал долго, но ямка всё равно получилась неглубокой, а копать глубже не было времени из-за майского раннего рассвета.

После того случая Глеб не разговаривал с женой неделю или две, да и потом говорил только по необходимости. Она, понимая его, в душу не лезла, знала: со временем забудется. И, действительно, забылось.

А когда Настя в колледж так и не стала поступать, Глеб стал поговаривать уже не о втором, а о «новом» ребёнке. Но Насте так не хотелось лишних хлопот, что она придумала условие с тысячей, хотя говорила Глебу о евро, не думая, что он поверит в серьёзность её слов. Она лишь хотела отпугнуть мужа, а он

поверил. Это для Насти оказалось равнозначно оскорблению. Она и прежде догадывалась, что её Глебушка – безвольный человек, а когда он стал ходить убирать снег, убедилась в этом окончательно. И чем больше он работал, тем больше ей хотелось подшутить над ним, разыграть, чтобы доказать, что он – тряпка, а не мужик. Ведь если он, когда она поставила условие, хрястнул бы по уху – она бы родила ему сына, а теперь уж ни за что!

Правда, не решалась сказать об этом в глаза. И только когда он уж слишком размышлялся о новом ребёнке, сообщила чуть ли не официально:

– Не трать напрасно эмоции – у нас его не будет. В нашей однушке и без того не развернёшься, хотя и за неё надо сказать спасибо моей бабушке.

– Но сама же говорила.

– Пошутила. И у врача не была, потому что незачем к нему обращаться. Я не беременна.

Глеб был приезжим, долгое время жил в общежитии, поэтому, когда женился на Насте, старался избегать разговоров на эту тему, понимая, что ничем не может возразить жене, но обида из-за этого копилась. Так что сейчас вполне мог сказать что-нибудь грубое в ответ, но в очередной раз сдержался, промолчал, обрадовавшись неожиданно мелькнувшему плану.

На следующий день, вместо того чтобы убирать участок, Глеб оделся по-спортивно и побежал в парк, высчитав, что сегодня должен увидеть Клару. Намерение у Глеба было самое серьёзное: он решил жениться на ней, потому что ещё со вчерашнего дня перестал считать себя мужем законной жены. Весь вечер он подыскивал подходящую замену слову «Глюкоза», но ничего не нашёл, ибо любые слова – хоть десять вместе! – не могли передать все волнения его души.

Красный свитер Клары Глеб увидел издали. Шурша старой листвой, Воронин побежал напрямик и выскочил перед ней запыхавшийся, румяный. Он улыбался, глаза его, казалось, говорили: «Не обижайся, что когда-то был невнимателен. Сейчас всё изменилось – я твой!»

– Тысячу лет не виделись! – поздоровавшись, сказал Глеб. – Пойдём сегодня в кино? – сразу огорошил он. – У тебя ведь сегодня выходной. Думаю, твой муж не будет сердчать?!

– Конечно, не будет, – согласилась Клара, улыбаясь в ответ. – На какой сеанс пойдём?

– На любой вечерний.

– Можно на последний, – предложила Клара и вновь улыбнулась.

Её улыбка, более похожая на усмешку, не понравилась Глебу, потому что за ней виделось что-то тщательно скрываемое.

Точно такую же улыбку Воронин увидел на её лице, когда вернулся домой, не дождав-шись Клару у кинотеатра. Он сразу и не понял, что видит в своей квартире Клару Пахомову. Она, Клара Пахомова, пьёт в кухне чай с Настей! И обеим отчего-то так весело, ну так весело!

– Вот, познакомься, – поднялась из-за стола Настя, – моя школьная подруга. Та самая медсестра, помнишь? Она помогла до конца узнать тебя.

Клара в это время поднялась навстречу Воронину и, подав руку, представилась:

– Клар Пахомов...

Глеб в этот момент подумал, что у людей

именно в таких ситуациях отвисает челюсть от удивления. С этой мыслью он ушёл в комнату и, не помня себя, упал на хрустнувшую Люсину кушетку.

Через минуту, постучав, в комнату вошла Настя.

– Возьми, пожалуйста, сберегательную книжку «на предъявителя», – почти торжественно сказала она. – Там все деньги, которые ты заработал за зиму метлой. Думаю, они не помешают, когда надумаешь создать новую семью!

Владимир Дмитриевич ПРОНСКИЙ

родился в 1949 году в городе Пронске Рязанской области.

Прозаик.

Автор романов «Провинция слёз», «Племя сирот», «Три круга любви», «Казачья Засека», «Стяжатели», «Герань в распахнутом окне», «Апельсиновая девочка», «Послушание во славу».

Публиковался в журналах «Север», «Наши современник», «Молодая гвардия», «Москва», «Подъём», «Странник» и во многих других, в коллективных сборниках, альманахах, в ближнем и дальнем зарубежье.

Лауреат премии имени А.С. Пушкина, Международной литературной премии имени Андрея Платонова, премии Союза писателей России «Слово-2018», а также премий нескольких литературных журналов. Секретарь Союза писателей России.

